

Митрополит Иосиф (Семашко): личные и религиозные мотивы деятельности, направленной на разрыв Брестской унии

Протоиерей Александр Романчук, кандидат богословия Митрополит Иосиф, как главный инициатор и совершитель воссоединения униатов с православными, несет полную личную и религиозную ответственность за исчезновение существовавшей в первой трети XIX в. на территории современной Белоруссии полутораmillionной Униатской Церкви. Никто из православных исследователей его жизни и деятельности не сомневался в чистоплотности личности владыки и бескорыстии его действий. Сомнения в этом выражали некоторые современники высокопреосвященного из числа либерально настроенных общественных деятелей, высших российских сановников и даже высшего православного духовенства. Для католиков же и для тех, кто видит в унии национальную религию белорусов, митрополит Иосиф был и навсегда останется ренегатом со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В Христианстве существует вера в действие Промысла Божия. Как появление Брестской Унии в Речи Посполитой, так и ее упразднение в Российской империи, без сомнения, были промыслительными событиями, логику которых мы узнаем только в конце времен. Тем не менее, искренность религиозных деятелей, послуживших и тому и другому, не только можно, но и нужно подвергать испытанию общепринятых в Христианстве норм совести. Ведь на слишком многие судьбы и в земной жизни, и в вечности они повлияли. В случае с архиереем-воссоединителем это приходится делать не для оправдания перед недоброжелателями Православия. Их ничто не убедит. Это необходимо самим православным. Является ли митрополит Иосиф великим церковным иерархом, или он был человеком, о котором лучше стыдливо помалкивать? Поэтому проблему придется поставить очень остро: пала ли уния в результате безупречных с религиозной точки зрения действий ответственного перед Богом и людьми святителя, или она стала жертвой ловкого беспринципного и удачливого афериста?

Итак, Литовского архипастыря многие считают предателем католицизма. Но здесь стоит задуматься о том, что можно назвать предательством и ради чего оно совершается. Если человек, состоящий в одной из противоборствующих сторон, перебегает на другую сторону из-за отсутствия моральных принципов и твердых убеждений, лишь ради материального вознаграждения, возвышения своего положения и вообще разного рода корыстных соображений, то, несомненно, он – предатель. На первый взгляд, в жизни и деятельности владыки Иосифа можно

обнаружить такие признаки. Он, действительно, перешел из рядов одного духовного воинства в другое. После Полоцкого собора он до конца своих дней пользовался особым отношением российского правительства: имел персональную пожизненную пенсию, получил множество государственных орденов и все мыслимые награды Греко-Российской Церкви вплоть до усыпанного бриллиантами посоха. Наконец, владыка был возведен в сан митрополита, хотя управляемая им второклассная Литовская епархия не должна была возглавляться митрополитом, и проч. На это, как на доказательство религиозной ущербности деятельности владыки, часто указывают католики и немногочисленные новые белорусские униаты. Их доводы многим могут показаться убедительными. Чтобы разобраться в этом вопросе, нужно попытаться увидеть, чем, действуя в пользу Православия, руководствовался архиерей-воссоединитель, а также какую в действительности награду он получили за свои труды.

Вначале надо сразу расставить по местам все акценты: в религиозной сфере не существует понятия предательства. Есть поиск и выбор пути ко спасению. Молодой униатский священник Иосиф Семашко к 1827 г. духовно и интеллектуально разочаровался в Католицизме, пришел к выводу, что неповрежденная Истина хранится в Восточном Христианстве. Он достаточно обоснованно аргументировал свой выбор в незавершенном «Сочинении о Православии Восточной Церкви». Из этого «Сочинения» и из материалов, собранных для незаконченной его части, можно сделать вывод, что, вместе с, собственно, вероучительной проблемой, будущего архиерея-воссоединителя не устраивало в Католичестве то духовное помрачение, в которое Римская Церковь окончательно погрузилась после ее отделения от Вселенского Православия. Это помрачение, концентрированно выразившееся в институте папства, претендующего на всеобъемлющее господство над народами, негативно повлияло на нравственную сторону религиозной жизни западных христиан. Его последствием, по мнению прелата Иосифа, стала не только постепенная дехристианизация европейских народов, но и открытое разжигание латинским духовенством нетерпимости по отношению к христианам-некатоликам ради расширения позиций папства. В папизме Семашко видел гордость вместо смирения, строптивость вместо послушания, которые ожесточают людей против ближних, ставят брата против брата, гражданина против гражданина^[1]. Отсюда естественно вытекает, что, согласно его взглядам, Католицизм в странах некатолических не является и не может являться основанием общественного мира и согласия. В силу этого он не способствует историческому развитию и духовному росту народов, становление которых изначально не проходило под религиозным влиянием Рима. К такому выводу прелат Иосиф пришел не умозрительно, а исходя из своего опыта участия в делах Высшего церковного управления

Католической Церкви в России. В итоге для него, вопреки польскому воспитанию и католическому образованию приобретшего православные убеждения, с самых юных лет видевшего себя плотью от плоти русского народа, оказалось невозможным состоять членом клира Католической Церкви восточного обряда. Это было бы лицемерие. Поэтому его стремление перейти в лоно Православия было совершенно естественным и логичным. Оно не может быть подвергнуто религиозному и моральному осуждению, если только не веровать в подчинение римским первосвященникам как в обязательное условие спасения. Но и в этом случае религиозный выбор человека нужно уважать.

Если бы Иосиф Семашко перешел в Православие в одиночестве, то, без сомнения, это вызвало бы обвинение его в предательстве, но было бы вскоре забыто. В конце концов, такой поступок касался бы только его лично. Однако владыка послужил общему упразднению Унии в Российской империи. С одной стороны, это является главной причиной продолжающейся до сих пор ненависти к нему со стороны тех, кого раздражает существование современного Белорусского Православия; с другой же стороны, представляет некоторую загадку.

Дело в том, что Семашко не считал Католичество ересью. В 1827 г. он ставил перед российским правительством вопрос о возвращении в Православие лишь тех, кто имел русские православные корни, чьи предки насильем и обманом были отторгнуты от живого тела своего народа и Восточной Церкви. В отказе от губительной унии с Римом, по мнению владыки Иосифа, состоял и религиозный и, в целом, исторический интерес народа Белой Руси. Одновременно, согласно его представлениям, со стороны Русского Православия было недопустимым отказаться от своих бывших чад, отказаться от преодоления насильственного разделения. Кажется, все просто, но прийти к такому выводу в 1820-е гг. было мудрено.

Во-первых, угнетенный, социально неразвитый, лишенный культурообразующей элиты – дворянства – белорусский народ не мог выразить свои чаяния и безмолвствовал. Греко-католическая Церковь, единственный институт белорусов-униатов, имевший пусть небольшие, но все-таки некоторые интеллигентные силы, стремительно латинизировалась и полонизировалась. Униатские иерархию, монашество и низовое духовенство эти тенденции вполне устраивали. Их мало беспокоила историческая судьба собственного народа. Радетелями сохранения русской идентификации людей, сохранения самобытной белорусской народной культуры они, воспитанные в польском духе, говорившие на польском языке, уж точно не были. Небольшая группа образованных белых священников, в особенности собравшаяся в Брестском капитуле, прикрываясь разговорами о благе приходского клира, о возвращении Унии к первоначальной литургической и канонической чистоте, на самом деле

боролась за свой узкий корпоративный интерес. Выразителями чаяний народа они также не являлись. Так что услышать четко сформулированные мысли об историческом интересе белорусов-униатов Семашко не мог. Вполне возможно, что он был единственным, кто об этом вообще серьезно задумался.

Во-вторых, в 1820-е гг. православные относились к униатам враждебно и никакой организованной миссии среди них не вели. Находясь в гуще событий, разобраться в том, что их враждебность извинительна из-за общего непонимания трагической истории народа на западных территориях Руси, было трудно. Тем более было нелегко приобрести уверенность, что православные, кажется, махнувшие на униатов рукой, обязательно захотят без всяких оговорок принять в свою Церковь самостоятельно отказавшееся от союза с Римом значительное по численности церковное объединение в полном составе. Да и что означает в полном составе? Ведь бывшие паписты не могли без православной миссии вдруг самостоятельно, и особенно единодушно, в одночасье стать православными. Вера будущего Литовского архипастыря в неуклонно и с любовью простертые к бывшим чадам материнские объятия Русской Церкви тем более удивительна, что он, находясь с 1822 г. в Петербурге, не общался с православными иерархами и священниками, ведя в Петербурге жизнь довольно замкнутую. Это, скорее, был новый духовный опыт от посещения православных служб. В любом случае без такой уверенности было немислимо задумываться о разрыве Брестской Унии.

Религиозно-нравственные выводы из представленных рассуждений далеко не просты. Поразительно, как можно было в 1827 г., в 29-летнем возрасте, взять на себя смелость отвечать перед Богом и людьми за подавленную и молчаливую полуторамиллионную униатскую паству, а также каково было греко-католическому священнику взяться за осуществление не выраженных во всеуслышание чаяний всей Русской Православной Церкви. Несомненно, в этом заключается тайна личных взаимоотношений Иосифа Семашко с Господом. Архипастырь не был легковесным человеком, об этом свидетельствует вся его наполненная трудами жизнь. Следовательно, он изначально представлял, какой тяжести груз он на себя брал, какие обвинения на него посыплются. Это был выбор очень убежденного в своем предназначении, сильного духом человека.

Несмотря на сказанное, все-таки остается подозрение, что при попытке личного перехода в Православие в 1827 г. Иосиф Семашко руководствовался корыстными мотивами. С обывательской точки зрения все выглядит так, будто он хотел перебежать на более сильную сторону, да и слишком уж удачной с видимой стороны была впоследствии его карьера в Православии. Чтобы разобраться, нужно обратить внимание вот на что. Митрополит Иосиф получил великолепное для униатского белого священника образование. Перед ним открывалась перспектива блестящей

карьеру. Благодаря способностям и трудолюбию, он ею воспользовался. В 28-летнем возрасте он уже стал прелатом и заседателем униатского департамента Римско-католической духовной коллегии. Участие в высшем органе управления Католической Церкви в Российской империи, авторитет, который он там приобрел, в сочетании с недостатком образованных и деятельных людей в Унии делали вполне реальной возможность получения им архиерейского сана. Трудно сомневаться, что Иосиф стал бы униатским епископом. Во всяком случае, сам он в этом не сомневался^[21]. Тем не менее, в 1827 г. он принял решение лично перейти в Православие и поступить в иноки Александро-Невской лавры. Вполне допустимо, что он желал сделать карьеру в господствующем вероисповедании. Однако это подозрение развеивается, если вспомнить: до ноября 1827 г. вопрос об упразднении Унии не стоял даже гадательно. Поэтому присоединение к Православию не сулило прелату Иосифу никаких личных выгод. Из кабинетов, где он соприкасался с высокопоставленными церковными и светскими сановниками, где решались судьбы всей Униатской Церкви, он готов был перейти в скромную православную монашескую келью. Сделать, оказавшись в ней, новую карьеру, уже в Русской Церкви, ему было бы неизмеримо труднее. Мешал бы груз католического прошлого. Поэтому владыкой в то время действительно могли двигать только совершенно чистые религиозные и морально-нравственные побуждения.

Но этого мало. Если бы в 1827 г. Иосиф Семашко указал правительству путь к разрыву Брестской Унии и сразу же лично принял Православие, устранившись от дальнейшей ответственности, то его, конечно, вполне можно было бы считать если не ренегатом, то уж, во всяком случае, перебежчиком. Но все обстояло совсем иначе. Начиная с 1828 г. владыка без остатка посвятил себя воссоединению. Он не обращал внимания на собственное положение и личную выгоду. Например, в 1833 г. преосвященный отказался от предложения занять богатую и менее латинизированную Белорусскую кафедру, а вместо этого просил назначить его управляющим бедной и гораздо более сложной для подготовки воссоединения Литовской епархией. Не обращал преосвященный внимания и на личный риск, который, между прочим, был велик, особенно во время Полоцкого собора. Об этом историки мало задумываются, но план окончательной ликвидации унии, принятый Секретным комитетом по униатским делам в январе 1839 г., вольно или невольно был составлен так, что в случае больших волнений, которые неизбежно стали бы известны в Европе, правительство заняло бы нейтральную позицию^[31]. Вся вина за беспорядки должна была лечь на того, кто являлся вдохновителем и организатором прошения униатов о присоединении к Православной Церкви. Поэтому, согласившись на выполнение плана Секретного комитета, решительно идя на воссоединение, преосвященный Иосиф

балансирует над пропастью. В случае больших возмущений, силового сопротивления во время Полоцкого собора и в ближайшие после него месяцы он и его сподвижники автоматически были бы принесены в жертву внешней и внутренней политической стабильности империи. Правительство оказывалось в стороне, а виновниками становились те униаты, которые организовали собор. Владыка Иосиф прекрасно понимал все и сознательно шел на риск. На это можно было идти только будучи уверенным в справедливости совершаемого, но никак не из соображений, свойственных ренегату^[4].

Именно благодаря самоотверженности, энергии и настойчивости владыки Иосифа, подвергавшийся слишком многим опасностям со всех сторон, в том числе со стороны правительственных сановников и православного духовенства, процесс приготовления разрыва Брестской Унии был доведен до успешного завершения. Здесь нельзя забывать, что на любом этапе его можно было остановить и все быстро вернулось бы обратно, поскольку упразднение Унии не сопровождалось кардинальным изменением общественно-политической обстановки в крае. Меры против польских патриотов после восстания 1830-1831 гг. не в счет. Они, несмотря на всю их шумность, носили слишком поверхностный характер, не сломали силы полонизма и Католицизма, не уничтожили польско-латинское экономическое и культурно-религиозное господство над белорусами. Трудно представить, чтобы ренегат мог понести такую огромную ответственность, проявить такую самоотверженность и пойти на такой личный риск. Одновременно все это разрушает миф о несамостоятельности архиерея-воссоединителя – якобы он был простым инструментом агрессивной конфессиональной политики царского правительства. В целом эта политика в отношении Унии отличалась нерешительностью, слабой компетентностью и непоследовательностью. Только благодаря митрополиту Иосифу эти недостатки не сумели загубить воссоединительный проект.

О религиозной безупречности деятельности высокопреосвященного Иосифа говорит также то, что, ведя вслед за собой полуторамиллионную униатскую паству в Православие, он не стремился к духовному упрощению, а искал и для себя, и для людей более трудный, но спасительный путь. Об этом свидетельствует его гомилетическое наследие. В нем прослеживается мысль о том, что исповедание Православия не ставит само по себе человека в привилегированное положение с религиозной точки зрения. Наоборот, Литовский митрополит считал: Истинная вера – это большая, чем в других христианских конфессиях, ответственность творения перед Творцом. В проповеди, произнесенной владыкой в Вильно на праздник Торжества Православия в 1848 г., он акцентировал внимание на том, что Церковь не проклинает инославных, но молится за них, сожалея о разделении, стремясь любовью

его преодолеть. Но мало того, высокопреосвященный указывал православным верующим, что они сами подпадают под анафематствования чина Торжества Православия, если не следуют более, чем другие христиане, Евангельским заповедям, если они не исполняют ревностно уставы своей Церкви, в полноте хранящей неповрежденную Истину^[5]. Надо учитывать, что это Слово было сказано в сложнейшей обстановке. Чинопоследование Торжества Православия 1848 г. совершалось в оплоте полонизма и Католицизма впервые за несколько столетий. Архиерея-воссоединителя слушало множество ненавидевших его латинян, которые в первые годы после воссоединения часто большими группами приходили на православные службы, чтобы громко выкрикивать злобные реплики, а также недавние униаты, которых католики с презрением обвиняли в отступничестве. Наверное, от него логично ждали проклятий в адрес противников, обещания воссоединившимся Божественной милости только за присоединение к Истинной вере. Но владыка говорил о любви к недоброжелателям и очень трудном православном пути ко спасению. То есть он религиозно не обманывал свою паству, требуя от нее большей, чем в униатские времена, духовной трезвости и любви к тем, кто ее презирал и ненавидел.

Однако здесь сразу возникает следующая проблема. Как, имея православные убеждения, митрополит Иосиф мог несколько лет оставаться в Унии, более того, стать униатским епископом и при этом действовать против союза с Римом? В некоторых монографиях даже можно найти утверждение, что Семашко тайно принял Православие в 1829^[6] или в 1834 г.^[7] В этом случае получается, что он был кем-то вроде засланного агента влияния.

На самом деле владыка Иосиф до 1839 г. формально не переходил в Православие. Иначе было бы совершенно непонятно, зачем он подавал прошения о личном присоединении к Церкви в 1832 и 1836 гг., когда считал, что общего воссоединения с помощью российской бюрократии достичь не удастся. Тем не менее, оставаясь униатским иерархом, высокопреосвященный действовал в пользу разрыва Унии. «Ліквідація царквы яе ўласнымі епіскапамі, – пишет С.В. Морозова, – беспрэцэдэнтны выпадак у гісторыі рэлігіі і яшчэ адзін з парадоксаў уніяцтва»^[8].

На самом деле никакого парадокса нет, если обратить внимание на экклезиологические взгляды владыки, некоторая особенность которых состояла в представлении о том, что членами Церкви на макроуровне являются целые народы, некогда в полном составе принявшие Крещение. Поэтому он считал Униатскую Церковь естественной частью Русской Церкви, оторванной из-за политических и религиозных происков «бывшего польского правительства и общества иезуитов»^[9]. Исходя из такого понимания, он предлагал общее воссоединение как справедливое возвращение народа к единству с соплеменниками, духовным истокам, к

своему настоящему историческому пути. Очевидно, что с момента рукоположения в 1829 г. преосвященный Иосиф не видел себя католическим епископом восточного обряда в полном смысле этого слова. Он видел себя епископом союзной Риму части Русской Церкви, религиозным вождем паствы, духовный интерес которой состоит в разрыве неестественного союза и возвращении к Матери-Церкви. Во время хиротонии владыка честно опустил в тексте архиерейской присяги какие-то места, по-видимому, те, где речь шла о верности папе и которые при введении Унии не входили в присягу епископов. Рукополагавшие его митрополит Иосафат Булгак, епископ Иаков Мартусевич и латинский епископ Иосиф Гедройц не отказались совершить хиротонию, хотя это была экстраординарная ситуация. В этом их вина перед Римом. Их, но не владыки Иосифа. Он поступил открыто, не отяготив своей совестью. В дальнейшем архиерей-воссоединитель не ослаблял Унию как церковную общину, не разлагал ее, превращая в легкую добычу православных миссионеров, как, без сомнения, поступал бы высокопоставленный ренегат, а делал все в интересах ее еkkлезиологического укрепления. Одновременно он старался вернуть вектор духовной жизни Церкви в то направление, которое тот имел первоначально. Иосиф Семашко в этом случае поступил как искренний религиозный и чрезвычайно ответственный человек. Найдя Истину, он не уклонился от того, чтобы через все кажущиеся непреодолимыми преграды и ожидаемые заранее обвинения повести к ней людей. С этой точки зрения он является подобным Моисею религиозным героем и великим патриотом народа западной Руси – белорусов и украинцев. Очевидно, Литовский митрополит в жизни и служении проявил волонтаризм того свойства, который меняет судьбы народов.

Одним из обвинений, выдвигаемых в адрес высокопреосвященного Иосифа католическими историками и богословами, является утверждение, что владыка, будучи униатским епископом, не имел канонического права проводить Полоцкий собор без благословения Римского Папы, тем более, что в повестке дня собора стоял вопрос о разрыве союза с Римом. Критикуется также сам принцип воссоединения духовенства через взятие от него подписок и мирян без выраженного устно или письменно согласия, через причастие у православных священников. Эти обвинения абсурдны.

Дело в том, что в результате реформ 1828-30 гг. была восстановлена каноническая самостоятельность Унии, которую она имела в первые годы своего существования. Поэтому формального разрешения главы Римокатолической Церкви для созыва собора униатского духовенства не требовалось, тем более что после хиротонии владыки Иосифа из текста архиерейской и священнической присяги были исключены слова о верности и послушании Папе. Так что участники Полоцкого собора – все архиереи и священники, рукоположенные после 1829 г., – не нуждались в

благословении римского понтифика. Понятно, что католики никогда не признают справедливость преобразований Униатской Церкви, проведенных по инициативе и под руководством владыки Иосифа, которые, собственно, и позволили разорвать Брестскую Унию. Однако если быть до конца последовательными, то нельзя признать и справедливость растянувшейся во времени, но не менее радикальной канонической реформы, которую провел в Унии Рим, лишив ее обещанной вначале доли автономии. Помимо того, ведь не спрашивали епископы, подписавшие союзный договор с Римом, благословения у Константинопольского патриарха на совместный с католиками собор в Бресте в 1596 г. Следовательно, в этом вопросе все взаимно уравновешено. С той лишь оговоркой, что творцы Унии обманывали народ и духовенство, занимались нововведениями, а архиерей-воссоединитель и его сподвижники, убеждая священников в истинности Православия и собирая подписки о желании присоединиться к нему, поступали открыто и восстанавливали древнюю традицию.

Что же касается самого канонического принципа воссоединения духовенства и мирян, то, согласно исследованию протодиакона Геннадия Малеева, оно полностью и во всех нюансах соответствовало православным канонам, описывающим принятие католиков в Православную Церковь, с той только особенностью, что все происходило не единовременно, а растянулось на несколько месяцев из-за слишком большого количества паствы^[10]. Так что митрополит Иосиф совершил все вполне корректно с канонической точки зрения.

Показательно, какой награды архиерей-воссоединитель желал лично для себя после возвращения в Православие полутора миллионов людей. 26 февраля 1839 г. он подал императору записку, в которой просил об освобождении его от несения архипастырского послушания в Западном крае с предоставлением пожизненного небольшого содержания и возможности частного проживания в столице империи^[11]. Владыка хотел исполнения своей просьбы не сразу, а «после двух-трех лет служения»^[12], т.е. тогда, когда предположительно должны были закончиться неотложные мероприятия по закреплению воссоединения^[13]. Таким образом, он не хотел бросить все и бежать из края, в чем его пытаются уличить, видя в этом признак того, что он признавал свою деятельность религиозно и нравственно неоправданной^[14]. Высокопреосвященный был готов все окончательно завершить. В то же время после многолетних трудов по подготовке и осуществлению разрыва Унии идеалом архипастыря был «домик с садиком, да комната с книгами»^[15]. В расцвете лет он был готов на забвение при жизни, что нельзя не назвать удивительным смирением и самоуничижением, зная его энергичную, склонную к деятельности натуру. В ответ на это прошение архиепископу Иосифу была только назначена пожизненная ежегодная пенсия, в сумме равная пенсиям отрешенных во

времена императрицы Екатерины II от кафедр униатских епархиальных епископов – 6000 рублей ассигнациями.

Назначение такой пенсии выглядело бы подозрительно соотносимо с суммой в тридцать сребреников, если бы не следующее обстоятельство. В ближайшие после Полоцкого собора годы деятельность высокопреосвященного Иосифа характеризовалась очень противоречивыми тенденциями. С одной стороны, он был вознесен на высокую ступень в иерархической лестнице Русской Православной Церкви и через Белорусско-Литовскую духовную коллегия, председателем которой он был назначен, решал проблемы воссоединенных в десяти западных епархиях. С другой стороны, его успешная деятельность только ускоряла упразднение Коллегии, которое было намечено уже в 1839 г., а следовательно, неизбежно вела владыку к падению до уровня простого епархиального архиерея, сокращению его полномочий и влияния. Предвидя все заранее, владыка не пытался изменить ситуацию в свою личную пользу. Он сразу после акта о воссоединении смиренно решил активно трудиться до той черты, пока его личность окончательно не станет препятствием для восстановления Православия в крае. Он полагал, что католики не смогут пойти на компромиссы с православными только из ненависти лично к нему. По его мнению, это должно было негативно повлиять на новый расклад конфессиональных сил.

Фактически деятельность высокопреосвященного в первые годы после Полоцкого собора носила характер самоотвержения и самоумаления. Трудно отвечать за всех известных в истории ренегатов, но ради отказа от значительно больших, чем 6000 рублей ассигнациями в год, материальных благ, отказа от высокого положения и почета, ради скромного существования и забвения при жизни предательства вряд ли совершаются. То, что владыка Иосиф был уверен в религиозно-нравственной безупречности своей деятельности, что его христианская совесть была чиста, видно из того, какие отношения он стремился выстроить с поляками-католиками. При освящении Никольского собора в Вильно в 1840 г. высокопреосвященный говорил: «Не скорбите о торжестве нашем, ревнители Западной Церкви. Взгляните беспристрастно на здешний край – это достояние Православной Церкви. Много ли здесь коренного народа римской веры? Он ограничивается пределами северной части Виленской губернии; остальной совращен из Православия... Взгляните на самую Вильну, – двести лет тому назад, – здесь еще было тридцать шесть православных церквей. За что ж порицать Церковь Православную; если она простирает матерние свои объятия к детям своим, хотя и забывшим ее, но все для нее не чуждым»^[16]. То есть архипастырь не разжигал вражды, не призывал уничтожить вслед за Унией Католичество в России. Он предлагал католикам осознать историческую и религиозную

справедливость воссоединения униатов и потесниться, оставив старинные претензии на господство. О личном же отношении к латинянам владыка Иосиф говорил в проповеди, произнесенной в 1845 г. по случаю перенесения духовных школ и епархиального управления Литовской епархии из Жировичского Успенского монастыря в Вильно. В ней он приглашал пасомых относиться с любовью к иноверным, не помнить зла, прощать клевету, оставлять без внимания оскорбления. «Чувство любви к ним (полякам-католикам – А.Р.), – говорил архипастырь, – есть обетом всей моей жизни, и малодушная ненависть не коснется моего сердца даже тогда, если бы мне пришлось запечатлеть кровью это душевное расположение»^[17].

Последние слова очень сильны, но их искренность была неоднократно засвидетельствована поведением владыки. Его несколько раз пытались запугать угрозами смерти^[18]. Однако он не реагировал на них, вел себя спокойно, словно никакой опасности не было. Во всех случаях высокопреосвященный Иосиф просил власти не предавать эти факты огласке, не проводить официального расследования, поскольку полагал, что это послужит причиной смущения верующих и помешает делу возрождения Православия в крае. Очевидно, что отягченный грузом предательства корыстный человек, в надежде на внимание и вознаграждение, не сумел бы отказаться от такого великолепного шанса громко заявить новым господам о том, что служение им сопряжено для него с угрозами для жизни.

Об отсутствии у митрополита Иосифа комплекса вины перед польскими католиками свидетельствует также отсутствие у него фанатизма, что приводило его к личным очень доброжелательным контактам с теми латинянами, которые не были враждебно настроены к Православию, его беспристрастие в ведении дел с ними^[19], подвижнические смирение и терпение, с которыми он переносил все нападки и клевету на себя. В особенности величие духовного облика архипастыря характеризует его завещание. К нему владыка, вполне обоснованно предполагая, что может погибнуть от рук польских патриотов, сделал в 1861 г. приписку, в которой он всю вину за свою возможную насильственную смерть возлагал не на предполагаемых убийц, а на российское правительство и лично на императора Александра II, выбравших, по его мнению, неправильный политический курс в отношении западных губерний империи. Поэтому он просил не применять репрессий в случае его гибели, а «в единственное возмездие и напоминание виновным, Остробрамскую (некогда русскую) икону Божией Матери поставить в церкви Свято-Духова монастыря, над царскими воротами главного алтаря – да обе виленские святыни освящают и украшают сию святую обитель»^[20]. Просьба о таком «наказании» виновных не в чем-либо, а в собственной смерти – это, конечно, просьба высокодуховного человека.

В особенности митрополита Иосифа, как архипастыря принципиального, ставящего на первое место не личные интересы, а служение Церкви и обществу, характеризуют его взаимоотношения с властью предрержащими. Можно сказать, что в своем служении он поступал несколько нетрадиционно по сравнению со своими современниками – епископами синодального периода жизни Русской Церкви. Он всегда вел себя с чувством высокого достоинства своего архиерейского служения, был независим в суждениях и поступках. Когда был уверен в необходимости этого, не стеснялся непосредственно обращаться в высокие правительственные инстанции и к самому монарху. Не боялся молчать, когда от него ждали показушной восторженности, не боялся высказывать свои несогласные с общим направлением государственной политики мнения в официальных документах, для укрепления Православия не уклонялся от конфронтации с чиновничеством, от которого во многом зависел. Одновременно он гнушался интриг, отказывался участвовать в них, невзирая на самые заманчивые обещания. Владыка готов был избегать их любыми способами, даже проявляя некоторую долю самоволия, как это было в 1844 г., когда он оставил столицу империи.^[21] Высокопреосвященного нельзя обвинить ни в подбострастии и угодничестве, ни в участии в закулисной возне и личной корысти.

Таким образом, личные и религиозные мотивы, которыми руководствовался митрополит Иосиф, разрывая Унию и возрождая Православие на территории современной Беларуси, не могут быть опорочены без предвзятости. Все попытки очернить личность владыки связаны с желанием взять реванш за нанесенное им полонизму и Католицизму поражение. Они исходят из определенных кругов, которые пытаются доказать, что Уния, а не Православие – это культуuroобразующее вероисповедание белорусов. Православную Церковь они называют «церковью московских оккупантов». Поэтому религиозно-нравственные обвинения, выдвигаемые в адрес архиерея-воссоединителя, представляют собой не более чем продолжение той борьбы, которая уже много столетий разворачивается на белорусских землях. Ставка в этой борьбе – душа белорусского народа.

Источники и литература:

1. Воейков, Н.Н. Церковь, Русь и Рим / Н.Н. Воейков. – Минск : Лучи Софии, 2000. – 656 с.
2. Дылевский, Е.В. Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский, член Святейшего Синода / Е.В. Дылевский. – Санкт-Петербург : Типография журнала «Странник», 1869. – 148 с.
3. Иосиф, (Семашко), митрополит. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию

- автора: в 3 т. / митрополит Иосиф (Семашко). – Санкт-Петербург : Типография императорской Академии Наук, 1883.
4. Иосиф, (Семашко), митрополит. Семь слов Синодального Члена Иосифа, Архиепископа Литовского и Виленского, говоренные при важнейших случаях служения / митрополит Иосиф (Семашко). – Вильно : Типография Завадского, 1848. – 100 с.
 5. Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковию в 1839 г. / Г.Я. Киприанович. – изд. 2-е испр. и доп. – Вильна : Типография И. Блюмовича, 1897. – 613 с.: 3 вкл. л. портр.
 6. Малеев Г.А., протодиакон. Полоцкий церковный собор 1839 г. Канонические аспекты [Электронный ресурс]. – Минск, 2010. – Режим доступа: www.pawet.net/library/history/.../Глава_5.html. – Дата доступа: 20.04.2012.
 7. Марозава, С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596-1839 гады) / С.В. Марозава; пад навук. рэд. У.М. Конана. – Гродна : ГрДУ, 2001. – 352 с.
 8. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 11. Прошения грекоуниатского епископа Иосифа о присоединении к Православной Церкви и соображения о воссоединении всей Грекоунитской Церкви.
 9. Сехович О.БПЦ предлагает сделать нового святого из ликвидатора униатства в Беларуси [Электронный ресурс]. – Минск, 2011. – Режим доступа: www.tut.by/society/258689.html. – Дата доступа: 09.03.2012.

^[1] Иосиф, (Семашко), митрополит. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора: в 3 т. / митрополит Иосиф (Семашко). – Санкт-Петербург : Типография императорской Академии Наук, 1883 (в дальнейшем ЗИМЛ). Т. 1. – С. 309.

^[2] ЗИМЛ. Т. 1. – С. 30–31.

^[3] Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 11. Прошения грекоуниатского епископа Иосифа о присоединении к Православной Церкви и соображения о воссоединении всей Грекоунитской Церкви. – Л. 24–33.

^[4] ЗИМЛ. Т. 1. – С. 132.

^[5] Иосиф, (Семашко), митрополит. Семь слов Синодального Члена Иосифа, Архиепископа Литовского и Виленского, говоренные при важнейших случаях служения / митрополит Иосиф (Семашко). – Вильно : Типография Завадского, 1848. – 100 с. – С. 79–97.

^[6] Воейков, Н.Н. Церковь, Русь и Рим / Н.Н. Воейков. – Минск : Лучи Софии, 2000. – 656 с. – С. 598.

^[7] Дылевский, Е.В. Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский, член Святейшего Синода / Е.В. Дылевский. – Санкт-Петербург : Типография журнала «Странник», 1869. – 148 с. – С. 88.

^[8] Марозава, С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596-1839 гады) / С.В. Марозава; пад навук. рэд. У.М. Конана. – Гродна : ГрДУ, 2001. – 352 с. – С. 228.

^[9] ЗИМЛ. Т. 1. – С. 622.

^[10] Малеев Г.А., протодиакон. Полоцкий церковный собор 1839 г. Канонические аспекты [Электронный ресурс]. – Минск, 2010. – Режим доступа: www.pawet.net/library/history/.../Глава_5.html. – Дата доступа: 20.04.2012.

^[11] ЗИМЛ. Т. 1. – С. 127.

^[12] ЗИМЛ. Т. 1. – С. 128, 253.

^[13] ЗИМЛ. Т. 1. – С. 253.

^[14] Сехович О.БПЦ предлагает сделать нового святого из ликвидатора униатства в Беларуси [Электронный ресурс]. – Минск, 2011. – Режим доступа: www.tut.by/society/258689.html. – Дата доступа: 09.03.2012.

^[15] ЗИМЛ. Т. 1. – С. 127.

^[16] Иосиф (Семашко), митрополит. Семь слов Синодального Члена Иосифа. – С. 14–15.

^[17] Там же. – С. 54–55.

^[18] ЗИМЛ. Т. 1. – С. 137; Т. 2. – С. 231, 320.

^[19] Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. / Г.Я. Киприанович. – изд. 2-е испр. и доп. – Вильна : Типография И. Блюмовича, 1897. –613 с. – С. 506–508; ЗИМЛ. Т. 3. – С. 613–614.

^[20] Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. – С. 383–384.

^[21] В 1844 г. митрополит Иосиф отказался от того, чтобы остаться в Петербурге для постоянной работы в Святейшем Синоде, т.к. его попытались втянуть в столичные интриги. И это несмотря на то, что ему обещали столичную кафедру. Такое поведение Семашко даже вызвало недовольство императора (ЗИМЛ. Т. 1. – С. 155–156). Более того, он достаточно жестко и в своих Записках, и поведением критиковал недостатки современной ему церковной жизни. Это особенно ярко проявилось во время его пребывания в Святейшем Синоде в 1859 г. (См. ЗИМЛ. Т. 1. – С. 246; сравн. Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. – С. 366).